

Татьяна Емельяненко

К особенностям традиционного костюма бухарских евреев: женские платья

Традиционный костюм — одна из наименее изученных областей культуры бухарских евреев. Его внешнее сходство с костюмом равнинных таджиков и оседлых узбеков городов центральной части Средней Азии, среди которых издавна они проживали, явилось отчасти причиной того, что он не привлекал специального внимания ни исследователей, ни собирателей музейных коллекций [Емельяненко 2010б]. Упоминания о нем в литературе касаются преимущественно особенностей мужских головных уборов и верхней одежды, которые обычно относят к «отличительным знакам» в одежде, введенным для иноверцев в мусульманском мире, и приводят в качестве примера дискриминационного положения бухарских евреев в прошлом [Емельяненко 2010а: 301–304]. Женская же одежда, как не имевшая ярко выраженных характерных отличий, признавалась полностью заимствованной у соседнего населения.

Татьяна Григорьевна Емельяненко
Российский этнографический музей
rem.tatyana@mail.ru

Иллюстративные источники (фотографии конца XIX — начала XX в. и образцы одежды бухарских евреев в музейных коллекциях)

в целом не противоречат данному представлению и иллюстрируют сходство и по видам, и по покрою предметов одежды, составлявших их традиционный костюмный комплекс.

Вместе с тем когда в ходе полевой работы информантам — бухарским евреям — демонстрировались фотографии их соплеменниц конца XIX — начала XX в. в традиционном костюме, они уверенно признавали в них «своих», тогда как никто из опрошенных узбеков и таджиков в городах проживания бухарских евреев¹ на этих снимках не смог их идентифицировать, но и не причислил к своему этносу². Не столько по чертам лица, сколько по внешнему облику, который в значительной степени создавался костюмом, «носители культуры» по заметным только им особенностям в манере ношения, соотношении отдельных деталей одежды, тканям и другим признакам безошибочно определяли «своего» или «чужого» в персонажах старинных фотографий. При этом узбеки и таджики не отрицали, что традиционный костюм бухарских евреек был такой же, как у них, но замечали: «Они брали у нас все, но изменяли, они всегда все у нас изменяют. И одежда у них была, как у нас, но что-то в ней было не так». Любопытно, что, по мнению узбеков, костюм бухарских евреев был ближе к таджикскому и особенно бухарскому³ («евреи, которые жили в Карши, Шахриябзе [города с узбекским населением. — Т.Е.], одевались чуть по-таджикски и полностью по-бухарски, потому что в Бухаре был хан; евреи ориентировались на Бухару»), однако бухарцы также не могли его назвать «своим» [ПМА 2010].

Примечательно, что на показанных им фотографиях они относили бухарских евреек то к иранцам, то к армянам, азербайджанцам или туркменам, а узбеки еще и к таджикам, т.е. к народам, имевшим в своем этногенезе иранские корни или компоненты либо длительное время, как и предки бухарских евреев, проживавшим в иранском мире. Их традиционные костюмы существенно различались, но, вероятно, «что-то иранское» придавало неуловимую схожесть.

В этом «что-то» или «что-то не так» и кроются те особенности, которые составляли своеобразие традиционного костюма бухарских евреев. Наиболее отчетливо они проступают при

¹ В результате массовой эмиграции, начавшейся во второй половине 1980-х гг., бухарские евреи покинули большинство городов Узбекистана и Таджикистана, в которых они прежде проживали. В настоящее время осталось несколько десятков семей (приблизительно около ста, точные цифры нигде не приводятся), главным образом в Бухаре, Самарканде, Ташкенте, Коканде (подробно см.: [Емельяненко 2009а]).

² Мужчины — бухарские евреи — на снимках обычно легко узнавались по форме шапок, типичных для них [Емельяненко 2009б: 216–219].

³ Большинство населения Бухары и сегодня составляют таджики.

сопоставлении его элементов с аналогичными предметами одежды соседнего населения или народов, связанных с ними исторической судьбой.

В данной статье предлагаются результаты исследования одного из наиболее этнически выразительных видов традиционной женской одежды бухарских евреев — платьев.

Платья бухарских евреек *курта* (тадж.)¹ еще в первые десятилетия XX в. оставались традиционным в регионе туникообразного покроя *тугри*. Платья на кокетке покроя *бурма* (со сборками на груди и отложным воротником), которые с начала XX в. начали входить в таджикско-узбекский женский костюм и приблизительно с 1930-х гг. стали считаться национальными, бытуя до сих пор, у бухарских евреек так и не получили широкого распространения. Их могли носить пожилые женщины и как домашние, но они не заменили у них старинные туникообразные платья, которые, несмотря на то что уже в 1920–1930-х гг. многие бухарские евреи переходят на европейский стиль в одежде, стойко сохранялись в празднично-обрядовом костюме.

На всех известных фотографиях конца XIX — начала XX в. и в музейных коллекциях традиционные платья бухарских евреек имеют широкий, расширяющийся книзу стан (100–110 см) и длинные, ниже кисти, широкие (30–40 см) прямые рукава. Подобные по покрою платья в это время бытовали повсеместно в костюме равнинных таджиков и оседлых узбеков, но в Бухаре их отличала особенно значительная ширина стана и рукавов [Люшкевич 1989: 124]². Такие платья являлись характерными не только для местных евреек, но и для проживавших в других городах [Гулишамбаров 1913: 122].

Появление платьев с широкими рукавами в среднеазиатском костюме исследователи относят ко второй половине XIX в. [Бикжанова 1979: 134; Писарчик 1979: 117; Рассудова 1970: 160]. Более ранними, известными по среднеазиатским и иранским миниатюрам конца XV — середины XVI в. и бытовавшими еще в XVIII в., считаются платья с широкими у основания, длинными и сильно зауженными книзу рукавами. Но к концу XIX в. на равнине они встречались уже только у пожилых женщин; несколько дольше сохранялись в горных районах Таджикистана, особенно в Припамирье — «сокровищнице этнографических реликтов Средней Азии» [Писарчик 1979: 117–118; Ершов, Широкова 1969: 7].

¹ Узб. «куйляк», однако бухарские евреи, говорящие на таджикском языке, употребляли для одежды преимущественно таджикскую терминологию, независимо от этноязыковой среды, в которой они проживали в Средней Азии.

² Описание покроя бухарских платьев см.: [Люшкевич 1978: 131–134].

Однако (по некоторым данным) можно предполагать, что в костюме бухарских евреек широкие платья с широкими же рукавами имели более длительную и самостоятельную историю. Одежда аналогичной формы была известна евреям с древности, которую они, как считают исследователи, после вавилонского пленения заимствовали у халдеев, а длинные рукава переняли у персов. Старинные платья еврейских женщин отличались особой длиной и шириной и сохранялись у них, несмотря на дороговизну тканей [Вейс 2000: 223]. Вероятно, подобное платье, «по внешнему виду похожее на стихари у русских дьяконов с оплечьем», описывал у иранских евреек купец Федот Котов, побывавший в Персии в 20-х гг. XVII в. [Хождение купца Федота Котова 1958: 91]. Они были характерны и для старинного персидского женского костюма, являясь одним из вариантов бытовавших в нем платьев.

Во второй половине XIX в. их вытеснила одежда более укороченного и зауженного силуэта, моду на которую ввел Насреддин-шах [Народы Передней Азии 1957: 198]. Однако еще в начале XX в. они сохранялись в старушечьем костюме и у жителей периферийных районов Ирана, например в Бушире, где именовались *араби* [Люшкевич 1970: 284, 298]. Это указывает, вероятно, на их ближневосточное происхождение. До сих пор их можно увидеть на пожилых арабках — представительницах субэтнической группы среднеазиатских арабов, некогда переселившихся в регион с северных территорий Афганистана [Народы Средней Азии 1963: 582–585] (в частности, на проживающих в районе Карши и Шахрисябза, т.е. там, где жили и бухарские евреи¹).

Таким же образом и у последних, расселенных на периферии и еврейского, и иранского мира, платья, которые некогда носили их предки и окружающие народы, могли сохраняться с незапамятных времен. Насколько они оказали влияние на появление платьев с длинными широкими рукавами в таджикско-узбекском костюме в XIX в., трудно судить. Но если в нем они просуществовали всего несколько десятилетий, вытесненные платьями на кокетке, то у бухарских евреек являлись единственными и бытовали до тех пор, пока их не сменила одежда европейского покроя, а как обрядовые — и значительно дольше.

По способам оформления ворота платья бухарских евреек и соседнего населения не отличались. Они имели либо горизонтальный, либо вертикальный разрез, характерные, соответственно, для девичьего и женского платья.

¹ Вероятно, неслучайно, что по одной из версий жителей именно этих городов, на фотографиях бухарских евреек, которые им предъявлялись, изображены арабки [ПМА 2010].

Горизонтальный разрез на еврейских платьях делался почти прямым или с выемкой по горловине и достаточно длинным, глубоко открывавшим шею и плечи, особенно у девочек [LC-DIG-ppmsca-09951¹ — 00088, 00094, 00096, 00253; ФК РЭМ 49 — 9; 5465 — 1; 9908 — 35]. Его обшивали узким кантом или узорной тесьмой, распущенные концы которой образовывали на левом или правом плече декоративную кисточку *панук* [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00094]. В таджикско-узбекских платьях такой вид ворота, как и на мужских рубахах называемый *кифтаки* (от тадж. *кифт* — «плечо», узб. *уйма ёка* — «вырезной ворот»), мог иметь дополнительный вертикальный разрез справа, скреплявшийся у плеча завязками и необходимый при сравнительно небольшой величине горизонтального разреза для свободного надевания платья через голову.

У бухарских евреек на фотографиях такой разрез не обнаружен², хотя ограниченность материалов и нечеткость многих снимков не позволяют с уверенностью судить о его отсутствии, однако при достаточно большом вырезе горловины в их платьях он, похоже, был просто не целесообразен. Возможно также, что ворот *кифтаки* с боковым разрезом и завязками, позволявшими уменьшить вырез горловины, был характерен именно для платьев мусульманского населения в соответствии с их этическими нормами и требованием максимально закрывать тело.

По преданию, происхождение таких завязок связано с дочерью пророка Фатимой, которая после смерти своих сыновей Хасана и Хусейна оторвала от их рубах полоски ткани и сделала из них завязки к своему платью [Бикжанова 1979: 134], тем самым «закрывая» себя в знак траура. В еврейской традиции, напротив, полагалось разрывать одежду, делать надрез или разрыв ткани на груди — *крио*, т.е. «раскрывать» себя, что, возможно, косвенно проецировалось и на повседневную одежду.

Различия в культурно-религиозных традициях определяли также особенности бытования платьев с горизонтальным разрезом ворота.

После выхода замуж таджички и узбечки начинали носить платья с вертикальным разрезом ворота. Но если по каким-либо

¹ Здесь и далее в тексте под данным условным обозначением приведены номера фотографий из Туркестанского альбома, экземпляр которого хранится в Библиотеке Конгресса США и в настоящее время опубликован на ее сайте: <http://www.loc.gov/rr/print/coll/287_turkestan.html>. Полное название альбома — «Туркестанский Альбом по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I-го. Составил А.Л. Кун. 1871–1872 г.». Фотографии бухарских евреев помещены во II части альбома («Часть этнографическая. Туземное население в русских владениях Средней Азии»).

² В музейных коллекциях платья бухарских евреек с горизонтальным разрезом ворота отсутствуют.

причинам они должны были оставаться в доме родителей, то продолжали ходить в девичьем платье даже после рождения ребенка и кормили его через вертикальное отверстие на груди или под мышками [Писарчик 1979: 116; Рассудова 1970: 29]. Иногда смена платья происходила только после рождения двух-трех или четырех детей [Рассудова 1970: 159].

У бухарских евреев, как показывают иллюстративные источники последней трети XIX — начала XX в., строгой дифференциации в женских и девичьих платьях не существовало. На некоторых фотографиях девочки и девушки одеты в платья с вертикальным разрезом ворота, без воротника или с воротником-стойкой и планкой, пришитой к разрезу на груди [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00089, 00097; ФК РЭМ 49 — 9, 10; 2397 — 1; 5465 — 1], характерные для замужних женщин. Это обстоятельство может быть объяснено либо тем, что архаическое деление на возрастные группы, пережитки которого стойко сохранялись у среднеазиатских народов [Задыхина 1951: 157–179], у бухарских евреев было выражено не столь отчетливо, как, например, у таджиков, у которых процесс стирания возрастных различий и появление в девичьем костюме платьев с женским воротом приходится уже на послереволюционный период [Сухарева 1982: 23, 24], либо различными критериями к определению возрастных границ и статуса представительниц таких групп.

Так, у таджиков и узбеков переход девушки во взрослый мир, занятие ею индивидуально-личностных позиций в семье и обществе были связаны с замужеством, и эти позиции упрочивались по мере рождения у нее детей. В еврейской традиции девочка, достигнув 12-ти лет (*бат-мицва* (ивр. «дочь заповеди») — возраста религиозного совершеннолетия), получала равные с взрослыми права участвовать во всех сферах жизни еврейской общины и ответственность за соблюдение этических, ритуальных и других норм иудаизма. И хотя у бухарских евреев не принято было специально отмечать *бат-мицва*, в отличие от *бар-мицва* — совершеннолетия мальчика, которое превращалось в многолюдное торжество, но наступление данного возраста автоматически переводило девочку в новую социально-возрастную категорию, делало ее полноправным членом общества и, соответственно, его «женской» части. Вступление в брак вносило изменения в ее статус, но иного плана и, по существу, не меняло положения, какое она уже занимала с конфессиональной точки зрения. В этом случае распространение в костюме девушек «женских» черт (в частности, женского ворота) может быть не столько следствием отсутствия у бухарских евреев четко выраженных регламентаций в одежде в соответствии с семейным положением, сколько отражением второстепенности данного

фактора для определения статуса социально-возрастных категорий (по крайней мере, при разграничении девичьей одежды и одежды молодых замужних женщин).

Платья с горизонтальным воротом, насколько позволяют судить известные изображения, бухарские еврейки шили из кустарных тканей — полосатых хлопчатобумажных *калами* и *алоча*, какие шли и на мужские рубахи [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00088, 00096], однотонных полушелковых [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00094], и шелка *шойи* — гладкого или с абровым узором¹ [ФК РЭМ 5465 — 1; 9908 — 35]. Использовались и фабричные ткани (белое полотно, ситец с набивным цветочным рисунком), которые у них бытовали уже в конце 1860-х гг. [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00089, 00253, 00256]. Между тем соседнее население стало употреблять их для одежды не ранее 1880-х гг. и в основном в начале XX в. [Лыкошин 1916: 14].

В девичьем костюме бухарских евреев, как и в женском, существовала манера надевания одного платья на другое. Она была распространена и в костюме таджиков Бухарско-Самаркандского региона, но так здесь одевались только замужние женщины, у которых в праздничном комплекте количество платьев могло достигать семи штук, что принято объяснять стремлением показать достаток и богатство [Ершов, Широкова 1969: 7]. Однако вряд ли это можно считать единственной причиной, хотя, возможно, она и преобладала в последние десятилетия XIX в. Первостепенное значение имели утилитарные и сакральные функции, которые нижние платья выполняли в костюме, причем у таджиков и бухарских евреев они проявлялись по-разному.

Прежде всего отметим, что бухарские еврейки носили одновременно не более двух платьев, считая стремление таджичек к увеличению их числа излишним и безвкусным [ПМА 1993—94: Бухара]. Нижние платья почти не видны на их фотографиях, скрытые верхней одеждой или тканью головного убора. Лишь на немногих снимках можно заметить край их ворота — горизонтальный (отмечен на фотографиях девушек в верхнем платье с вертикальным разрезом ворота), вертикальный с треугольным вырезом и завязками или воротником-стойкой под верхним платьем с воротником такого же фасона [ФК РЭМ 49 — 27; 5465 — 1]. Обычно они из фабричных тканей с цветочным узором (в светлых и темных тонах), какие шли и на верхние платья бухарских евреек (вероятно, при необходимости

¹ «Абр» (тадж.) — «облако», а также шелковая или полушелковая материя кустарного производства с узорами, нанесенными на нити перед тканьем путем их последовательной перевязки и окраски; благодаря такому способу орнаментации узоры на готовой ткани имеют расплывчатые очертания. В международной текстильной практике он называется «икат».

они могли заменять друг друга). В комплекте с верхним платьем, новым или из дорогой материи, нижнее должно было защищать его от загрязнения и быстрого износа, играя в костюме главным образом практическую роль.

У таджиков самые нижние платья шили только из светлых, преимущественно белых хлопчатобумажных тканей — кустарной и фабричной кисеи (*хоса, дока*) или ситца с редким и мелким цветочным узором на светлом фоне. Они входили в состав выходного, праздничного костюма. Их рукава были длиннее рукавов верхнего платья, специально выставлялись наружу, подчеркивая декоративность материи [Сухарева 1982: 23]. Кроме того, виду и расцветке ткани придавалось особое значение в местной культуре: белый цвет символизировал духовную чистоту, светлую и счастливую жизнь [Сухарева 1982: 22], хлопок считался сакрально чистым материалом, полагали, что его непосредственное соприкосновение с телом магически защищало его. Из этих тканей традиционно изготавливалась одежда новорожденных, нижнее платье в свадебном костюме и платья женщин, вступивших в преклонный возраст [Емельяненко 1999: 176–179]. Такое отношение к ним не потеряло своего значения и в настоящее время.

В культуре же бухарских евреев ничто не указывает на особый статус именно хлопчатобумажных белых тканей в праздничной или повседневной одежде. Нижние платья у них также могли быть из бумажной кисеи, но одновременно — и из тонкого белого шелка [Народы Средней Азии 1963: 619], из фабричных тканей различной расцветки и цветовой гаммы. Рукава нижнего платья бухарские еврейки не выпускали из-под рукавов верхнего платья и не заворачивали поверх них¹. Оно оставалось почти незаметным снаружи, что указывало на его второстепенность для внешнего облика костюма или, возможно, даже на намеренное скрывание от постороннего взгляда. По крайней мере, такое отношение существовало к штанам традиционного покроя *эзор*, которые бухарские еврейки считали неприличным показывать наружу и всегда заправляли в чулки или сапоги [ПМА 1993–94: 2002]. В отличие от них таджички и узбечки нижнюю часть штанин, отделанную по краю узорной тесьмой, специально демонстрировали из-под платья.

Поскольку женские платья бытовали у бухарских евреек и в девичьем костюме, на фотографиях можно увидеть варианты вертикального разреза и отделки горловины, которые в жен-

¹ Невозможность увидеть их на фотографиях и отсутствие нижних платьев в музейных собраниях не позволяют конкретизировать их покрой. Не исключено, что вместо платьев бухарские еврейки носили в качестве нижних также короткие кофты с воротником-стойкой, которые бытовали и в таджикском костюме [Ершов, Широкова 1969: 7–8; Люшкевич 1978: 134].

ском костюме обычно скрыты под тканью головного убора *лачак* или платка. Так, на фотографиях из Туркестанского альбома [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00089, 00097] на бухарских еврейках можно видеть популярные в то время платья со сборками *чим-чим* на плечах, образованными за счет поперечных надрезов по обеим сторонам вертикального разреза, отделанного темным узкими кантом и завязывавшегося на тонкие тесемки *камарча* (об этих платьях см.: [Писарчик 1979: 116; Сухарева 1982: 22]). С 1890-х гг. в Бухарско-Самаркандском регионе такие платья стали выходить из моды, сохраняясь лишь в качестве свадебных или траурных и старушечьих [Сухарева 1982: 22—23]. Не встречаются они и на фотографиях бухарских евреек конца XIX — начала XX в., во всяком случае, не принадлежат у них к числу нарядных, хотя могли и бытовать в повседневном костюме. Снимки этого периода и музейные экспонаты демонстрируют в основном два вида оформления горловины в платьях с вертикальным разрезом ворота — стоячим воротником и планкой с застежкой на пуговицы или кнопки и глубоким треугольным вырезом.

Последний, называемый *пешияла*, *пешьяла*, *пешкушо*, в платьях соседнего населения являлся наиболее распространенным и так же имел два вида отделки в зависимости от величины разреза. Если вырез заканчивался у середины груди, то по краю он прострачивался на швейной машине полосой зигзагообразно-ромбовидного узора [ВК РЭМ 11833 — 1, 2]. При большей его протяженности за счет удлиненного вертикального разреза вдоль него нашивалась длинная (иногда до колен и ниже), украшенная вышивкой полоса *пешкурти кашидузи* — сплошная в нижней части и раздваивающаяся примерно там, где начинался разрез, обрамляя его с двух сторон до плеча [ВК РЭМ 11833 — 3—7; 12095 — 11, 12]. По признанию таджикских и узбекских информантов, *пешкурта* на платьях бухарских евреек были длиннее, чем у них, и доходили почти до края подола [ПМА 2010].

Пешкурта оформляли золотым шитьем или вышивкой разноцветным шелком швом крестом *ироки* (сплошной зашив), которые в XIX в. выполняли в дворцовых мастерских Бухары (золотое шитье) и Шахрисябза (вышивка шелком). Орнаментальные мотивы и композиция узоров отличались большим разнообразием, но выделить среди известных образцов специфичные именно для пешкурта на еврейских платьях не представляется возможным. Оба вида принадлежали к особой, элитарной области вышивального искусства и, в отличие от широко распространенного домашнего вышивания, представляли отдельные ремесленные отрасли, которые обслуживали преимущественно дворцовую знать и привилегированные слои

Рис. 1. Женщина и девочка в платьях с вертикальным разрезом ворота *пешалья*, украшенным декоративной полосой *пешкурта*; у девочки она вышитая, у женщины — золотошвейная. Бухарские еврейки. Конец XIX — начало XX вв. Бухара. ФК РЭМ 8764 — 17689

населения Бухарско-Самаркандского региона [Сухарева 1962: 117–118; Гончарова 1986: 8, 15–16]. Бухарские евреи к ним, естественно, не принадлежали, но зажиточность многих из них [Материалы для статистики Туркестанского края 1879: 93] позволяла им ориентироваться на вкусы и моду представителей элиты мусульманского общества (рис. 1).

В конце XIX — начале XX в. платье с воротом *пешалья* и вышитой тем или иным способом полосой *пешкурта* сохранялись у бухарских евреек более стойко, чем у других горожанок, где они стали постепенно считаться устаревающими и переходить в разряд старушечьих — их носили женщины после 60–70 лет [Люшкевич 1978: 133; ПМА 1989], но уже без такой яркой и декоративной детали, какой являлась *пешкурти кашидузи*. На

фотографиях же бухарских евреек в платья с ней одеты и женщины молодого возраста, и девушки [ФК РЭМ 8763 — 17689], они сохранялись у них в качестве праздничных и после того, как полностью исчезли из костюма соседнего населения. Пожилые бухарские еврейки еще помнят, как во времена их молодости (примерно 1950–1960-е гг.) на семейные праздники, прежде всего свадьбу, женщины наряжались в старинные платья с *нешкурта* [ПМА 2002: Маргилян]. И до сих пор они встречаются среди семейных реликвий, однако датируются только дореволюционным временем.

Сразу после революции золотошвейное производство, для которого необходимы были дорогостоящее сырье и богатый заказчик, пришло в упадок, закрылись вышивальные мастерские, выполнявшие специальные и ценные заказы. И хотя впоследствии эти виды прикладного искусства возродились как фабричные отрасли и домашние промыслы, за прошедшие несколько десятков лет настолько поменялась мода, что изготовление новых *нешкурта* уже не имело широкого спроса и не вошло в ассортимент ни золотошвеев, ни вышивальщиц шелком¹.

В конце XIX в. в городском костюме получила распространение отделка одежды декоративной строчкой, выполненной на швейной машине. На женских платьях с воротом в форме удлиненного треугольника она заменяла кант из ткани или вышитую тесьму и хотя была не так нарядна, считалась модной, поскольку швейные машины только начинали входить в обиход. Бухарские евреи стали прибегать к такому способу оформления одежды² раньше, чем остальное население, и, возможно, благодаря им он возник и получил распространение в Средней Азии. Они первые овладели навыками шитья на швейных машинах (считается, что они были завезены в Среднюю Азию именно ими). В Бухаре, например, бухарские евреи составляли основное число портных, работавших с их использованием [Сухарева 1966: 171]. Такие портные именовались специальным термином «мошиндози» — «шьющий на машине» [Абрамов 1993: 24].

Многие бухарские еврейки наравне с мужчинами освоили швейные машины и принимали заказы на пошив платьев и отдельно — отделку их декоративной строчкой. Вероятно, это была дорогостоящая работа, во всяком случае для мусульманского населения, т.к. большинство таджикских и узбекских

¹ Они изготавливались, например, мастерами Объединения народных мастеров «Усто» в Узбекистане, в мастерских аналогичных организаций в Таджикистане для фольклорных сценических костюмов, в качестве сувенирной продукции.

² Таким способом начали также оформлять края вышитых изделий — *сюзани*, и, возможно, этим также могли заниматься бухарские евреи.

платьев конца XIX — начала XX в., известных по музейным коллекциям, имеют лишь машинную отделку ворота и края подола, но сами сшиты на руках. Платья же бухарских евреев, не только такого типа, но и с полосой *пешкурта* и воротником-стойкой, чаще всего целиком сшиты на швейной машине. Со времени их появления в крае эта особенность отличала прежде всего платья бухарских евреев, особенно нарядные, в которых машинная строчка не только имела функциональное значение, но и поднимала престижность изделия.

Дольше всего в костюме бухарских евреев сохранялись платья с воротником-стойкой. Их и сегодня иногда надевают (поверх одежды европейского стиля) матери и сестры жениха и невесты, что выделяет их среди других участников свадебных церемоний. Этот обычай сохраняется среди бухарских евреев, эмигрировавших из Средней Азии и живущих ныне в разных странах, представляя для них один из символов идентичности [ПМА 2002: Маргилан].

В таджикско-узбекском костюме воротник-стойка был известен под названиями *ногай ёка* (узб. «татарский ворот»), *казоки*, *ит ёка* (узб. «собачий ворот», «ошейник»), *бўзмаки* (узб. «давить») [Сухарева 1982: 23; Писарчик 1979: 116; Рассудова 1978: 161], в которых отразилось и его происхождение, и отношение к нему местного населения. В Ташкенте платья с воротником-стойкой появились в 1880-х гг. в среде зажиточных торговцев и сначала вызывали осуждение пожилых людей, но постепенно распространились и среди других слоев населения [Бикжанова 1979: 134]. С начала 1890-х гг. их начинают носить в Бухарско-Самаркандском регионе [Писарчик 1979: 116; Сухарева 1982: 22] и в Ферганской долине, но утвердились они в местном костюме только в первой четверти XX в. [Люшкевич 1989: 124; Рассудова 1978: 161], тогда же вошли в моду и в Хорезме [Сазонова 1989: 92]. В Ташкенте и городах Ферганской долины их носили как верхние и нижние, надевая одновременно, или с платьями, имевшими иную форму ворота. В Бухаре и других городах, входивших в ареал ее культурного влияния, в том числе моды (например, Нурата), до 1920-х гг. они оставались исключительно нижними и надевались под платья с воротом *пешаля* [Люшкевич 1989: 125; Писарчик 1979: 117].

У бухарских евреев платья с воротником-стойкой получили название «сарты» [ПМА 2002]. Этимология слова неясна, возможно, означает «сартовский»¹, хотя они распространились

¹ Т.е. заимствованное у сартов, как раньше называли городское население центральных районов Средней Азии.

Рис. 2. Девушка в платье *sartma* с воротником-стойкой из клетчатого шелка. Бухарская еврейка. Начало XX в. Ташкент. (Из архива автора)

в их costume не позже, чем у остального городского населения, а может быть, и значительно раньше. Правда, на фотографиях из Туркестанского альбома, которые являются самым ранним иллюстративным источником, платья со стойкой не отмечены, но у замужних женщин, чьи портреты помещены в нем, вся грудь обычно закрыта тканью головного убора, скрывающего форму ворота. Однако на снимках 1880-х гг. и рубежа веков в них одеты девушки и женщины разного возраста [ФК РЭМ 49 — 8, 27–29; 5465 — 1], у которых они служат единственным (хотя, возможно, нижнее платье на снимках не всегда заметно) либо верхним или нижним платьем. В качестве нижних их носили под платьями с таким же воротом или, как в девичьем costume, с горизонтальным воротом. Бытование в то время платьев с воротником-стойкой в девичьем costume являлось типичным исключительно для бухарских евреек. У таджичек и узбечек их носили тогда только замужние женщины, и лишь в 1920-х гг. они появляются у взрослых девушек, а потом и девочек [Сухарева 1982: 23] (рис. 2).

Кроме того, у бухарских евреек все известные по фотоматериалам и музейным коллекциям платья с воротником-стойкой имеют планку с застежкой на пуговицы с прорезными петлями или кнопки. Вместе с тем в таджикско-узбекских платьях вертикальный разрез сначала не оформлялся планкой, а закрывался складкой, закладывавшейся посередине всего полотнища стана, и у ворота застегивался на одну-две пуговицы, причем слева направо [Рассудова 1978: 161; Сухарева 1982: 23; ФК РЭМ 46 — 97; 48 — 338, 379]. Распространение планки с застежкой на кнопки или пуговицы, по музейным памятникам, происходит уже в 1920-е гг., когда платья с воротником-стойкой получают массовое бытование и становятся одним из элементов национального костюма, сохраняясь в этом качестве до 1940-х гг., пока они не были окончательно вытеснены платьями на кокетке покроя «бурма» [Бикжанова 1979: 135].

Различия существовали и в оформлении стойки. У таджиков и узбеков оно со временем менялось: сначала она была без отделки, потом ее край и края разреза ворота стали отделять вшитой между двумя слоями материи зубчатой каемкой *дандона*, позднее — полукруглыми фестонами *кунгра*, затем — плиссированной из мелких складочек сборкой *парпар* или *парпаритугри*, наконец — оборкой из бантовых складок [Писарчик 1979: 116; Рассудова 1978: 161]. Все эти приемы были характерны для стойки нижних платьев, которая была хорошо видна в треугольном вырезе ворота *нешаля*, или ее декоративно оформленный край специально приподнимали над стойкой верхнего платья, которую делали обычно прямой [ФК РЭМ 46 — 97; 48 — 338, 379]. Однако у бухарских евреек, вероятно, из-за того, что нижнее платье было не принято показывать в костюме, стойку всегда делали без особых декоративных элементов, что во втором десятилетии XX в. у остальных горожан считалось устаревшим и пренебрежительно называлось «деханской», т.е. сельской, модой [Писарчик 1979: 117].

Примечательно, что платья с воротником-стойкой сохранялись у бухарских евреек не только в костюме, который они надевали по семейным торжествам, но и как ритуальные в религиозной практике. Именно такой фасон имеют все известные по музейным коллекциям и фотографиям конца XIX — первой половины XX в. платья, предназначенные для праздника Йом Кипур [ВК РЭМ 11833 — 9, 10; 12095 — 13]. Они сшиты из фабричных тканей — белого гладкого или узорного атласного шелка и из гипюровых материй белого или кремового, розоватого цветов, которые наравне с белым отождествлялись с образом «белизны», которому должны были соответствовать еврейские одежды в этот Судный день, день очищения.

Вместе с тем следует полагать, что не форма ворота заставляла бухарских евреев считать такие платья «своими», сохранять на протяжении длительного времени и использовать как в повседневной, так и ритуальной практике. Скорее всего, и треугольный ворот *пешалья*, и воротник-стойка имели второстепенное значение, даже как маркирующие возраст или социальный статус признаки. Так, встречались праздничные платья смешанного типа, в которых стойка сочеталась с прямым разрезом ворота на груди, оформленным декоративной полосой *пешкурта*, как в платьях с воротом *пешалья* [Vokhara 1968: f. 4.9]. Первостепенное значение имел общий силуэт — широкий и с широкими же длинными рукавами, который современные информанты, независимо от места проживания, в первую очередь приводят в качестве отличительной особенности своих старинных платьев — *курти остин коло* (досл. «платье с длинными рукавами») [ПМА 1993–94], не упоминая или уже не зная о той форме, какую в них имел или должен был иметь ворот.

Отмеченные выше особенности платьев бухарских евреек по покрою и бытованию дополняет характер тканей, прежде всего тех, которые использовали для верхних платьев (собственно, только о них и дают наглядное представление музейные экспонаты и иллюстративные источники) и в которых черты этнокультурного своеобразия бухарских евреев проявились особенно отчетливо.

Обычно нарядные варианты платьев, независимо от возраста, бухарские евреи шили из различных, но всегда ярких тканей. Это мог быть и ситец с крупным набивным цветочным рисунком [ФК РЭМ 49 — 28, 29], и разнообразные фабричные шелковые ткани [ФК РЭМ 49 — 8; ВК РЭМ 11596 — 1, 2], широко использовались кустарные ткани — полупелюшковый *адрас*¹ [ВК РЭМ 12095 — 13; 11833 — 4, 5] и шелк *шойи*, гладкий и с абровым узором [ФК РЭМ 49 — 27; 5465 — 1; ВК РЭМ 11833 — 2, 3, 8], атласные ткани [ФК РЭМ 9908 — 35; ВК РЭМ 11596 — 2; ВК ФОКМ КП 8899, 8917, 9147; Vokhara 1968: f. 4.11], полупелюшковая полосатая ткань *бекасаб*² [ВК РЭМ 12095 — 11; 11833 — 6]. Все они так или иначе бытовали в женском костюме соседнего населения, но у бухарских евреев их применение не всегда совпадало с принятыми в конце XIX — начале XX в. в местной этнической среде традициями и стереотипами.

Прежде всего, отметим распространенность в платьях бухарских евреек шелковых, особенно чисто шелковых тканей.

¹ Адрас — ткань репсового переплетения с абровым узором.

² Бекасаб(м) — ткань репсового переплетения с полосатым узором.

Несмотря на то, что мусульманские представления о шелке¹ не распространялись на женскую одежду, все же чисто шелковые ткани не имели в ней широкого применения и даже в праздничном костюме бытовали лишь среди наиболее состоятельных слоев городского населения. Безусловно, немаловажную роль играла высокая стоимость таких тканей. Однако, возможно, определенное значение имела история их появления в регионе, из-за которой отношение к ним сложилось как к «чужим». Действительно, если производство полушелковых тканей было издавна и широко освоено местными ткачами, то изготовлением чисто шелковых материй занимались преимущественно *ирони* — потомки переселенцев из Мерва и других районов Хорасана, которые издавна проживали в Бухаре и Самарканде [Сухарева 1962: 61–65]. В конце XIX в. этим ремеслом стали овладевать таджики и узбеки, пройдя курс обучения у ирони. Производство таких тканей началось в Маргилане, Коканде, Ходженте [Сухарева 1962: 64, 66], но в Бухаре и Самарканде ирони по-прежнему занимали в этой ремесленной отрасли основное место и считались ее родоначальниками.

Бытование шелка в костюме бухарских евреек, напротив, демонстрирует традиционность для них этого материала, не столько доступного, сколько излюбленного. Как отмечала Т.С. Лозовская, изучавшая в 1920-х гг. евреев Самарканда, «у каждой еврейки, даже бедной, есть шелковое платье» [Лозовская 1930: 202]. Малоимущие из практических соображений делали на платьях из дорогих тканей разрез с планкой не только на груди, но и на спине, чтобы надевать задом наперед, если пачкалась одна из сторон, продлевая таким образом срок их носки [ПМА 2002]². В таджикско-узбекском костюме к такому способу никогда не прибегали, во-первых, потому что переворачивать одежду задом наперед считалось недопустимым с точки зрения ее семиотического статуса, во-вторых, качеству тканей придавалось не такое большое значение, как у бухарских евреек, и подавляющее большинство использовало относительно дешевые материи, а более значимыми для создания необходимого, соответствующего традиции облика костюма являлись их узоры и расцветка.

Наиболее распространенными в расцветке тканей бухарских евреек являлся красный различных оттенков [ВК ФОКМ КП

¹ В исламской традиции одежда из шелка считается для мужчин недопустимой роскошью [Коран 22:23; 76:12; Мец 1973: 240].

² Два таких платья, датируемых 1930–1950-ми гг., хранятся в коллекции Центра «Петербургская иудаика», собранной в Самарканде в 2002 г. Одно из них сшито из тонкого фабричного шелка в коричневую узкую полоску на белом фоне и с узорами, нанесенными ручным способом желтой краской в технике «гульбаст» (тадж.; тип батика), другое — из белого атласа и предназначено для праздника Йом Кипур.

5836, 8792, 8926] и желтый. Платья из желтого шелка, тафты или атласа, гладкого или с жаккардовым узором, были широко распространены у бухарских евреек [Гулишамбаров 1913: 122; ВК ФОКМ КП 11244], но в таджикско-узбекском costume окружающего населения желтые одноцветные ткани не использовались. Красный же цвет был характерен и для одежды таджиков, причем узбеки обычно приводят этот факт как главное различие между своей и таджикской одеждой [ПМА 1989, 2002, 2010], хотя чаще он преобладал в узорах тканей, чем определял ее цвет. В таджикской культуре особое отношение к красному цвету связывают с наследием зороастризма, в котором он символизировал огонь, солнце, жизнеутверждающее начало. В Персии после введения ислама красные одеяния, а также ярко-зеленые, отличали его противников — зороастрийцев [Бойс 1994: 111], но представления о том, что красный шелк, наряду с белым, является приносящим счастье, стойко сохранялись в персидской традиции [Книга персидских женщин 1912: 91]. Красный был характерен также для нарядной одежды знатных еврейских женщин во времена царей Давида и Соломона: они носили красную обувь, пурпурные покрывала [Вейс 2000: 222]. По описанию Ф. Котова (начало XVII в.), для евреев Персии, мужчин и женщин, типичным являлось именно «вишневое платье» [Хождение купца Федота Котова 1958: 91].

В нашу задачу не входило останавливаться подробно на семантике цветов в различных культурных традициях, и вряд ли можно однозначно определить истоки предпочтительного отношения к красному цвету в одежде бухарских евреек. Но, как видим, «причин» для этого, обусловленных их собственной историей и влиянием соседних народов, прежде всего иранских, у них было достаточно.

Вместе с тем если у таджиков красный цвет допускался в расцветке тканей для траурной одежды (у молодежи в отдельных полосках хлопчатобумажных *калами* и *алоча* [ВК МНИУ 9 — 703–705, 731–939: коллекционная опись О.А. Сухаревой]), то у бухарских евреев исключался не только красный, но и коричневый и желтый, которые его «содержали» (коричневый получался из смеси красной и синей краски, в спектре желтого был красный оттенок). Отсутствие этих цветов в расцветке делало любую ткань, независимо от рисунка и качества, траурной. Так ткань, называемая ими «чиғи», в черную полосу на белом фоне являлась траурной, а с красной или коричневой полоской шла уже на праздничные платья [ПМА 2002]. Причем хлопчатобумажными и с наличием черного в узорах должны были быть платья только у ближайших родственниц умершего, которые они носили в течение года, для остальных допускался шелк в синих или темно-зеленых тонах [ПМА 2002, 2010], тогда как

у таджиков и узбеков траурным являлось только хлопчатобумажное платье¹.

Особенностью тканей в платьях бухарских евреек можно назвать также преобладание среди них монохромных полуселковых и шелковых тканей фабричного и кустарного производства. Для женского костюма оседлых узбеков и особенно равнинных таджиков, напротив, характерной являлась многоцветность материй. Одноцветные ткани шли у них преимущественно на чехлы для матрасов *курпача* и одеял *курпа*, использовались как основа для свадебных вышивок *сюзани*. Одной из таких тканей являлся шелк с переливчатым эффектом, который достигался за счет разных по цвету нитей утка и основы. На нем, например, выполнялось большинство ферганских вышивок, богатые варианты бухарских и шахрисябзских *сюзани*.

Однако бухарские еврейки шили из него свои платья. Технологическая особенность таких тканей позволяла им расширить палитру применяемых материй. Так, если зеленый цвет считался у них траурным, то шелк с зеленой основой, которая определяла его колорит, но с малиновым утком, называемый *шо ии ранги гардани кафтар* («грудка голубая»), либо с желтым или розовым — *шоҳӣ тавлама* (букв. «изменчивый») [Турсунов 1974: 96] шел на праздничные и нарядные платья [ВК РЭМ 12095 — 13].

Популярность шелка в женской одежде бухарских евреев выразилась и в использовании ими особой ткани, технологически отличной от известных в среднеазиатском шелкоткачестве и единственной, в производстве которой они принимали непосредственное участие [Турсунов 1974: 98]. Это ткань *доройӣ*, распространенная также в районах ее бытования под названием *халель*, *халили*, которое местное население переводит как «шатающаяся, нестойкая» [ПМА 2010]. Ее ткали из тонких нитей, полученных из неотваренной грежи путем сухой размотки коконов², ткань получалась тонкой, очень легкой, воздушной.

Обычно термин *доройӣ* идентифицируется в литературе с названием ткани *дороги*, бытовавшей на Руси в XVI—XVII вв., происхождение которого К.А. Иностранцев связывал с персидской

¹ При этом и у тех, и у других это были ткани с каким-либо рисунком, а не гладкокрашенные, характерные для траурного костюма, например, полукочевых узбеков [ПМА 1987] или киргизов [ВК РЭМ 14 — 28: траурное платье из синей кустарной хлопчатобумажной ткани].

² Как известно, коконная нить, выделяемая шелкопрядом, состоит из двух элементарных нитей-шелковин, образованных из фиброина (высокомолекулярного белкового вещества) и окруженных тонким неравномерным слоем другого, тоже белкового, вещества — серицина. При запарке коконов происходило размягчение серицина, коконная нить отделялась от коконов. При размотке коконов несколько коконных нитей складывались вместе и вновь прочно склеивались остатками серицина, образуя нить шелка-сырца или грежу. При сухой размотке коконов клеевого состава не выделялось и нить сохраняла мягкость.

тканью *dārāi* [Клейн 1925: 60–61]. В конце XIX в. *доройи* изготавливали в Маргилане, Коканде и Ходженте, несколько мастерских находилось в Китабе [Турсунов 1974: 98] и Бухаре. Повсеместно *доройи* употреблялась на женские головные платки: белые, гладкокрашенные, с набивным узором (*румолӣ калгаи*) и орнаментированные способом перевязки (*бандан, гулбаст*). В последнем случае контуры узора предварительно обводились карандашом, затем прошивались ниткой и стягивались, а полученный «мешочек» крепко обматывался бумажными нитками — резервировался. При окраске раствор немного затекал под обмотку и узоры (обычно простые, в виде ромбов, колец, кругов, звезд) приобретали расплывчатые очертания контуров (отсюда второе название — *абри бандан*) [Сухарева 1962: 81–82].

В этой технике окрашивали и длинные полотнища тканей. О том, что из них шили платья бухарские еврейки, свидетельствуют и музейные памятники [Vokhara 1968: f. 4.10], и фотографии конца XIX — начала XX в. в домашних альбомах бухарских евреев. Более того, известны еврейские платья из фабричного шелкового атласа в узкую коричневую или красную полоску на белом фоне с узорами, нанесенными ручным способом желтой краской в технике *абри бандан* [ВК РЭМ 11596 — 2¹]. Это пример соединения двух видов тканей, получивших у них большую популярность и, вероятно, считавшихся «своими». Они датированы 1930-ми гг., когда отдельные бухарские евреи еще занимались красильным ремеслом и «доводили» фабричную материю до нужного им вида в своих мастерских.

В костюме равнинных таджиков и оседлых узбеков ткани *халили*, орнаментированные таким способом, по утверждению информантов из Бухары, Самарканда и даже Маргилана, где находился центр их производства, никогда не использовались и предназначались только на чехлы для матрасов *курпача* и одеял *курпа*, что подтверждают и материалы коллекций местных музеев [ПМА 2010] (рис. 3).

Однако речь может идти, очевидно, о «благопристойных» горожанках, поскольку, например, на фотографиях С.М. Дудина 1900–1902 гг. платья из *халили* с узорами в технике *бандан* можно видеть на женщинах из публичных домов и танцовщицах [ФК РЭМ 48 — 323, 324]. В такое платье одета и одна из женщин на снимке из Туркестанского альбома [LC-DIG-ppmsca-09951 — 00212]². Сравнение видов и расцветки тканей в одежде,

¹ Другое платье (без номера) хранится в коллекции Центра «Петербургская иудаика».

² Из-за запрета женщинам появляться перед посторонними мужчинами с открытым лицом, особенно строго выполнявшегося в ортодоксальной городской среде, фотографы, работавшие в жанре этнографической фотографии, могли снимать лишь женщин легкого поведения, а их наряды не во всем соответствовали общепринятым нормам.

Рис. 3. Женщина в платье из кустарного шелка *халили*, орнаментированного способом *абри бандан*. Бухарская еврейка. Начало XX в. Ташкент. (Из архива автора)

в частности в платьях, бухарских евреек и женщин данной категории вообще демонстрирует много общего. Так, на фотографиях С.М. Дудина, кроме платьев из *халили* с узорами в технике *абри бандан*, на тех и других можно видеть платья из одноцветного и переливчатого шелка, из атласа с абровым узором [ФК РЭМ 46 — 100, 119, 120, 123, 130; 48 — 293, 327 и др.], из шелка в крупную клетку [ФК РЭМ 46 — 97]. Остальные горожанки их не использовали.

Атласные ткани в рассматриваемый период являлись у них материалом для бытовых предметов. В коллекционных описях Бухарского музея (БГАХМ), например, по поводу хранящихся в его собрании многих образцов атласов имеется запись, что они предназначались «для одеял [таджикско-узбекского на-

селения. — Т.Е.] и рубашек бухарских евреек» [ВК БГАХМ 3387/9, 3388/9, 3391/9, 3394/9—3398/9]. Но одновременно в платьях из атласа с абровым или полосатым узором позируют на снимках конца XIX — начала XX в. женщины из публичных домов и танцовщицы [ФК РЭМ 46 — 119, 120, 130]. У узбеков и таджиков за атласными тканями так и закрепилось название *атласи яхуди* — «еврейский атлас» [ВК СММК Э68 — 199; коллекционная опись, сделанная О.А. Сухаревой], включая районы их основного производства — города Ферганской долины [ПМА 2010].

Необычным для местных тканей являлся и узор в клетку. Производство клетчатого шелка *шоҳӣ катак* было известно в Самарканде и городах Ферганской долины, но началось там только в последнее десятилетие XIX в. под влиянием фабричных тканей, и их узоры обычно повторялись в кустарных образцах. Кустарный и фабричный клетчатый шелк использовался в качестве подкладочного материала для вышитых шелком и золотшвейных мужских халатов и на чехлы для одеял, но одежду из него никогда не шили [Емельяненко 1990: 167–168]. Между тем музейные экспонаты и иллюстративные материалы демонстрируют его применение в одежде, в частности в платьях бухарских евреек [ВК ФОКМ КП 3097], а также в костюме женщин из публичных домов [ФК РЭМ 46 — 97] и *бачи* [ВК РЭМ 59 — 23/4] — мальчиков, которые песнями и танцами развлекали мужские собрания. Эта необычная связь объясняется, скорее всего, тем, что и бухарские евреи, и представители этих маргинальных групп¹, занимая особое положение в обществе, не были скованы рамками правил и норм, регламентировавших повседневную жизнь и облик большинства мусульманского населения, что позволяло им отступать от принятых традиций или следовать своим.

Особенностью тканей, которые шли на платья бухарских евреек, являлось также то, что некоторые из них были типичны для мужских халатов. Так, из одного и того же кустарного шелка с крупным абровым узором сшиты платья и мужской халат, хранящиеся в собрании Израильского музея [Vokhara 1968: f. 4.3, 4.12], из полушелковой плотной ткани в разноцветные полосы, изготовлявшейся в Карши и называвшейся *алочаи каршиги* [ВК РЭМ 11833 — 6], а также из шелковой гиссарской алочи *хосаги*, которые шли на халаты знатных и состоятельных мужчин, сшиты платья бухарских евреек в коллекциях РЭМ [ВК РЭМ 11833 — 6, 7]. Они носили также платья из атласа в

¹ Подобные маргинальные группы в Средней Азии совершенно не изучены, до сих пор не ясен их этнический состав. По нашим полевым материалам, большинство обитательниц публичных домов были уйгурки и казашки.

Рис. 4. Женщина в платье из атласа и девочка в платье с горизонтальным разрезом ворота, сшитым из кустарного шелка *шойи* с абровым узором. Бухарские еврейки. Конец XIX — начало XX вв. Бухара. ФК РЭМ 9908 — 35

широкие полосы (рис. 4) [ФК РЭМ 9908 — 35; Vokhara 1968: f. 4.11], характерного для мужских халатов бухарских евреев [ВК РЭМ 12095 — 4, 5; 12351 — 2; Vokhara 1968: f.4.11; ФК РЭМ 94 — 25].

В costume равнинных таджиков и оседлых узбеков подобное совмещение было возможно в отношении простых хлопчато-бумажных тканей, которые в равной степени могли идти на мужские рубахи, штаны, нижние халаты и женские платья, однако для полшелковых и шелковых материй, тем более в праздничной одежде, такое было недопустимо. Строгая половая дифференциация мусульманского общества предопределяла ее выражение и в costume, где тканям принадлежала важная и часто основная знаковая функция. У бухарских же евреев «мужские признаки» в женской одежде и наоборот отражали

иную социокультурную традицию, во многом определяемую их религиозными представлениями, не знавшими столь резкого противопоставления мужчин и женщин, как в исламе.

Таким образом, платья бухарских евреек, несмотря на их внешнее сходство с платьями соседнего населения, обнаруживают целый ряд существенных особенностей. Они проявляются в манере ношения и отделки, сроках и социально-возрастной среде бытования, времени появления в них воротника-стойки и распространения фабричных тканей, в видах, расцветке и узорах материи. Все это позволяет рассматривать их как самобытный (если не по происхождению, то по форме существования) вид одежды в традиционном костюме бухарских евреев конца XIX — начала XX в., в чертах своеобразия которого нашли отражение и культурно-исторический опыт, и религиозное сознание этой этноконфессиональной группы Средней Азии.

Список сокращений

БГАХМ — Бухарский государственный архитектурно-художественный музей-заповедник

ВК — Вещевые коллекции

КП — Книга поступлений

МНИУ — Музей национального искусства Узбекистана (Ташкент)

ПМА — Полевые материалы автора

РЭМ — Российский этнографический музей (СПб.)

СМИК — Самаркандский музей истории и культуры народов Узбекистана

ФК — Фотоколлекции

ФОКМ — Ферганский областной краеведческий музей.

LC-DIG-ppmsca — The Library of Congress. Print and Photographs Division

Библиография

Абрамов М.М. Бухарские евреи в Самарканде. Самарканд, 1993.

Бикжанова М.А. Одежда узбеков Ташкента XIX—XX вв. // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 133–151.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи: Пер. с англ. и прим. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1994.

Вейс Г. История цивилизации. М.: Эксмо-Пресс, 2000. Т. 1.

Гончарова П.А. Золотошвейное искусство Бухары. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1986.

Гулишамбаров С.И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой. Асхабад: Электротечатня З.Д. Джаброва, 1913. Ч. 1.

- Емельяненко Т.Г.* Бухарские евреи: судьба диаспоры // Этнографическое обозрение. 2009а. № 5. С. 15–26.
- Емельяненко Т.Г.* Кустарные ткани оседлого населения Средней Азии как этнографический источник (конец XIX — начало XX в.): Дисс. <...> к.и.н. Л., 1990.
- Емельяненко Т.Г.* Мужские традиционные головные уборы (шапки) бухарских евреев // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2009б.
- Емельяненко Т.Г.* «Отличительные знаки» в традиционном костюме бухарских евреев: этнокультурный аспект // Восток. Афро-Азиатские общества. 2010а. № 6. С. 110–119.
- Емельяненко Т.Г.* Памятники традиционно-бытовой культуры бухарских евреев в музейных собраниях: особенности комплектования // Этнографическое обозрение. 2010б. № 3. С. 66–76.
- Емельяненко Т.Г.* Символизация возрастных периодов: ткани и цвет в традиционном костюме узбеков Ферганы // Время и календарь в традиционной культуре. СПб.: РЭМ, 1999. С. 177–180.
- Ершов Н.Н., Широкова З.А.* Альбом одежды таджиков. Душанбе: АН ТаджССР, Ин-т истории им. Ахмада Дониша, 1969.
- Задыхина К.Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество. М.: АН СССР, 1951 (Труды Института этнографии. Новая сер. Т. 14). С. 157–179.
- Клейн В.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология. М.: Оружейная палата, 1925.
- Книга персидских женщин (Китаби-Кульсумь-нанэ). Обычаи, нравы и поверия персидских женщин / Пер. с франц. М. Гаврилова. Ташкент, 1912.
- Лозовская Т.С.* Мать и дитя у среднеазиатских евреев Самарканда // Советская Азия. 1930. № 3–4. С. 245–260.
- Лыкошин С.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг.: Т-во «В.А. Березовский», 1916.
- Люшкевич Ф.Д.* Одежда жителей центрального и юго-западного Ирана первой четверти XX в. // Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 26. С. 283–312.
- Люшкевич Ф.Д.* Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник МАЭ. Л.: Наука, 1978. Т. 34. С. 123–144.
- Люшкевич Ф.Д.* Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 107–138.
- Материалы для статистики Туркестанского края / Под ред. Н.А. Маева. СПб.: Туркестанский стат. комитет, 1879. Вып. 5.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973.

- Народы Передней Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Народы Средней Азии и Казахстана. М.: АН СССР, 1963. Т. II.
- Писарчик А.К.* Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // *Костюм народов Средней Азии*. М.: Наука, 1979.
- Рассудова Р.Я.* К истории одежды оседлого населения Ферганского, Ташкентского и Зеравшанского регионов // *Сборник МАЭ*. Л.: Наука, 1978. Т. XXXIV. С. 154–174.
- Рассудова Р.Я.* Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям А.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина 1926–1927 гг.) // *Сборник МАЭ*. Л.: Наука, 1970. Т. XXVI. С. 16–51.
- Сазонова М.В.* Женский костюм узбеков Хорезма // *Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана*. М.: Наука, 1989. С. 90–106.
- Сухарева О.А.* Бухара XIX — начала XX в. М.: Наука, 1966.
- Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1982.
- Сухарева О.А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: АН УзССР, 1962.
- Турсунов Н.* Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие ремесла Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Душанбе: Дониш, 1974.
- Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: изд-во Восточной литературы, 1958.
- Bokhara. The Israel Museum, Jerusalem. Cat. no. 39. 1968.